

Литература

- Алимаа А., Омакаева Э. У. Песенный фольклор монгольских народов: наследие и современность (по материалам полевых исследований 2007 года) // Фольклор в контексте культуры. Мат-лы Всеросс. науч. конф. (г. Махачкала, 12 марта 2009 г.). Махачкала: Изд-во Даг. гос. ун-та, 2009. С. 44–47.
- Бадгаев Н. Б. Военное прошлое калмыков в зеркале исторических песен // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 72–75.
- Балыков С. Б. Девичья честь. Историко-бытовая повесть. Элиста, 1993. 236 с.
- Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Orange, U.S.A.: Antiquary, 1986. 525 с.
- Биткеев Н. Ц. Калмыцкий песенный фольклор. Элиста: «Джангар», 2005. 213 с.
- Борджанова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Давыдов Д. В. Тильзит в 1807 году [электронный ресурс] // <http://www.museum.ru/1812/Library/Davidov6/index.html> (дата обращения: 12.04.2012).
- Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станции Сальского округа в ноябре 1902 года. Публикация В. К. Шивляновой // Из истории русской фольклористики. Вып. 4–5. СПб.: Наука, 1999. С. 541–560.
- Нефедьев Н. А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 277 с.
- Сусеев А. И. В поисках счастья. Элиста: Калмиздат, 1940. 51 с.
- Очиров Н. О. Материалы по устной литературе Астраханских дэрбэтов // Очиров Н. О. Живая старина: из литературного наследия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 398 с.
- Песня Онкора // Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания / сост., пред. Д. Э. Басаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. С. 168.
- Прозрителев Г. Н. Военное прошлое наших калмык // Труды СУАК. Вып. 3. Ставрополь: Губ. правление, 1912; 2-е изд., репринтное. Элиста: Санан, 1990. 144 (I) + 28 (II) + 60 (III) + 44 (IV) + 30 (V) + XXXXIII с.
- Хабунова Е. Э. Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 221 с.
- Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XX вв.). Элиста: КИОН РАН; Союз казаков Калмыкии, 1992. 317 с.

УДК 94(470)

ББК 63.3 (2Рос-Калм)

ГЕРОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г. ЦАГАН ХАЛГА ЛУЗАНГОВ И ЕГО ПОТОМКИ

Э. П. Бакаева, Н. Э. Бакаев

Накануне Отечественной войны 1812 г. был принят указ от 7 апреля 1811 г., в котором говорилось: «Для усугубления армии нашей легкими иррегулярными войсками, желая составить два Калмыцкие пятисотенные полка из орд, обитающих в Астраханской, Саратовской и Кавказской Губерниях, исключая причисленных к сему войску и службу обще с ним несущих; я поручаю вам исполнение сего с тем предположением, чтобы выбор сих полков был произведен преимущественно из родов Чучеева, Тюменева и Ерденева, назначив и начальников в полки из князей султанов или владельцев сих же родов¹.

Наряд сей должен быть произведен без всякого принуждения и по доброй воле, уве-

ряя их, что за усердие и готовность на службу князья султаны и владельцы пожалованы будут чинами и знаками отличия, а рядовые Государевым нашим жалованьем; по окончании же военных действий отпущены будут с честью восвояси» [Калмыки 1964: 17].

Согласно упомянутому указу, были образованы 1-й Калмыцкий полк из калмыков Малодербетовского и Большедербетовского улусов и 2-й Калмыцкий полк из калмыков Хошеутовского и торгутских улусов.

Как следовало из текста указа, командирами полков должны были быть назначены нойоны, двое из которых — Тундутов и Тюмень — изъявили желание возглавить их. Есаулами и сотниками стали зайсанги — управляющие аймаками из числа назначенных или «природных зайсангов»². Калмыки

¹ Родов Чучеева — т. е. Чучея Тундутова, Тюменева — т. е. Тюменя Джиргалана, Ерденева — т. е. Эрдени Цаган-Кичикова.

² Принадлежащих к данному социальному словию по происхождению.

Хошеутовского улуса составили половину полка. В числе воинов 2-го Калмыцкого полка был и сотник Цаган Халга Лузангов (Лоузангов) [Калмыки 1964: 86; Прозрителев 1990: 4 (V)] — зайсанг аймака бага-хошутов Хошеутовского улуса.

Цаган Халга Лузангов с честью прошел весь боевой путь вместе со своим полком от Пружан до Парижа. После формирования полк проследовал до Воронежа [Калмыки 1964: 85–86], где расположился в лесу в 35 верстах от города в уезде Нижне-Девичком [Калмыки 1964: 95]. Далее полк проследовал в Киев, Луцк [Калмыки 1964: 97] и начало войны встретил на границе. Как показали исследования [Беликов 1960; 1965], в это время полк находился в составе 3-й армии А. П. Тормасова и был непосредственно подчинен командиру 2-го корпуса генерал-лейтенанту Маркову. 13 июля 1812 г. полк принимал участие в первом своем сражении у Пружан. Как пишет Т. И. Беликов, «принимавшая участие в этой операции сотня калмыков второго калмыцкого полка действовала дружно, напористо и проявила исключительное мужество» [Беликов 1965: 133]. Затем последовали сражения при Городечно, Слониме, преследование противника от г. Бельска до г. Волковыска, 7 ноября — сражение под м. Свисловичи и др. [Беликов 1965: 133–134].

После завершения Отечественной войны 1812 г. 2-й Калмыцкий полк начал свой Заграничный поход по польской территории. Затем последовали сражения при г. Лигнице (6–7 августа 1813 г.), дер. Крейбау, Томосферте, г. Бунслау (8 августа), при с. Кейзерсвальде (9 августа), с. Эйх-Гольц, «что на р. Кацбахе» (14 августа), м. Гейнау, Бунцлау (18 августа), г. Герлице (24 августа), м. Пульсниц (7 сентября) и др. [Калмыки 1964: 107].

За сражение при Лигнице и Бунслау к наградам были представлены пять калмыков из командного состава. В документах указывалось, что они проявили беспримерную храбрость, служа примером для своих подчиненных. Среди награжденных был и сотник Цаган Халга Лузангов, получивший офицерский чин [Калмыки 1964: 102] и, следовательно, вошедший в новую для него систему социальной иерархии, которая регулировалась Табелью о рангах.

4–7 октября 1813 г. Цаган Халга Лузангов принимал участие в битве при Лейпциге, 19–20 декабря 1813 г. — в сражении при

переправе через Рейн и разбитии неприятеля при Муттер-Штадт [Калмыки 1964: 107]. Именно при переправе через р. Рейн и «при разбитии неприятельских эскадронов при Муттер-Штадте» [Калмыки 1964: 106], а также в бою при Рухгейме командир полка С. Тюмень, майор Плеханов, служивший в полку «для показания порядка», и сотник Цаган Халга проявили «пример неустрашимости», «презирая сильный ружейный неприятельский огонь», возглавили атаку и одержали победу над неприятелем, взяв в плен несколько человек, в том числе бригадного командира и офицера. За эти сражения бага-хошутский зайсанг Цаган Халга был награжден орденом Св. Анны 3-й степени³ [Калмыки 1964: 106].

Далее полк проследовал по территории Франции к Парижу, а с ним и сотник первой сотни Цаган Халга, принимавший участие в боях между Сен-Обен и г. Минье (10 января 1814 г.), при м. Монмириль (30.01), м. Шато-Тьерри (31.01), м. Вошан и Жуанвиль (2.02), м. Мери (10.02), при г. Сезан⁴ (13.02), под г. Мо и у селения Муа⁵ (15.02), при с. Трион (23.02), г. Лион (2–25.02), при с. Труа (1–2.03). При Фер-Шампенуазе 13 марта 1814 г. полк участвовал в уничтожении целого корпуса наполеоновских войск, 20 марта вошел в Париж, а 24 марта принимал участие в сражении при Леферте [Калмыки 1964: 106–107, 121].

В начале 1814 г. сотник Цаган Халга Лузангов был представлен к присвоению чина есаула за отличия в сражениях при Мейсине и Лейпциге [Калмыки 1964: 113].

18 ноября 1814 г. полк под командованием С. Тюменя возвратился на родину. Из всего состава полка вернулись 334 рядовых, 5 урядников, 1 писарь, 1 квартирмейстер, 7 хорунжих, 3 сотника, 3 есаула [Калмыки 1964: 116]. Газета «Восточные известия» 2 декабря писала: «Из числа защитников отечества возвратились и наши храбрые калмыки <...> В исходе 1811 года упомянутый сей полк, выступивши отсюда походом в действующую армию, безотлучно и до окончания действия был в числе войск под командой нашего генерала Сакена и прусского фельдмаршала Блюхера, с коими и вошел в Париж 19 марта, а 19 ноября сего года в объѣзды своих друзей и родственников.

³ Т. е. Анненским оружием — саблей с орденом на эфесе.

⁴ Здесь были разбиты два эскадрона кирасиров.

⁵ В этом сражении полк разбил эскадрон мамелюков.

Многие нижние чины украшены знаками отличия, а некоторые имеют по два и по три и даже других держав, <...> некоторые из рядовых калмыков постепенно в сражениях пожалованы в хорунжие, сотники и есаулы. Восторг и радость их отцов и братьев, сродников и стекшегося из кочевий почти всего подвластного князю Тюменю народа составляли трогательное зрелище. Князь Серебджаб⁶, в знак великого своего усердия, подвел в подарок своему отцу князю Тюменю ту самую лошадь, на которой он выехал в армию и действовал на оной во многих сражениях, где она получила семь ран, и одного верблюда, раненного там же. Полк же сей состоял из 500 человек, а возвратились 350. „Так царство Русское не рушится врагами, Доколь ограждено верными сынами“» [Калмыки 1964: 117–118].

После Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода 1813–1814 гг. есаул Цаган Халга Лузангов продолжил мирную жизнь зайсанга — управляющего аймаком бага-хошут, кочевья которых всегда располагались вблизи кочевий князей Тюменей. Приведем в подтверждение последнего такой пример. Как известно, хурулы в дореволюционной Калмыкии были связаны с определенными родами, из которых и набирались их штаты и религиозные требы которых они и обслуживали. В Хошеутовском улусе три хурула составляли один монастырь и кочевали совместно, что является свидетельством того, что и рода калмыков, являвшихся их прихожанами, кочевали рядом. Монастырь включал Большой хурул⁷, Манлан Большой хурул и Докшадын Большой хурул. Для представителей бага-хошута рода, которыми управляли потомки Цаган Халги Лузангова, «родовым» являлся Докшадын Большой хурул: именно там обучались монахи — выходцы из данного рода. «Эти три хурула кочевали летом в нагорной стороне реки Волги и с левой стороны на озере Шамбай, „зимой — три больших и один малый Цацан хурулы имеют зимовку на луговой стороне реки Волга, где постро-

ен один молитвенный каменный сюр Манлан большого хурула, каменный сюр Доншоджи большого хурула, деревянный дом Цацан малого хурула, каменная цаца и один деревянный субурган“ (НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58. Л. 82об.)» [Батыров 2007: 73].

Как приближенный нойона Тюменя и возглавлявший в военное время первую из сотен полка своего командира, зайсанг Цаган Халга не мог не принимать участие вместе со своим владельцем в ответственных мероприятиях и в мирное время. Так, известно, что 19–31 марта 1822 г. есаул Цаган Халга Лузангов являлся представителем улуса вместе с Тюменем на собрании, состоявшемся в урочище Зензели [Митиров 2002: 124]. Здесь были обсуждены постановления по усовершенствованию системы управления калмыцким народом и были рассмотрены два проекта преобразований: первый был предложен владельцем Малодербетовского улуса Эрдени Тундутовым, другой — владельцем Большедербетовского улуса Очиром Хапчуковым и торгутским нойоном Церен-Убуши [Белоусов 2009: 488].

Есаул Цаган Халга Лузангов был удостоен, напомним, нескольких наград в период войны 1812–1814 гг.: дважды был повышен в чине и закончил поход в чине есаула, который согласно Табели о рангах приравнивался в гражданскому чину титулярного советника, а также был удостоен Ордена Св. Анны 3-й степени. В период, когда Цаган Халга получил высокую награду, удостоенные Ордена Св. Анны (любой степени) автоматически становились потомственными дворянами⁸. В то же время для калмыцкого общества и статус «природного зайсанга» означал принадлежность к высшему социальному слою, поскольку среди сословия зайсангов термином «природные» обозначались наиболее знатные, принадлежавшие к роду нойонов [Леонтович 1879; Митиров 2002] (что подтверждается следующим фактом: бага-хошутский зайсанг находился рядом с Тюменями в наиболее сложных моментах — будь то Отечественная война 1812 г., Зензелинское собрание, съезд представителей калмыцкого народа, Центральный исполнительный ко-

⁶ Сербеджаб.

⁷ Здание сюр хурула, построенного Тюменями после окончания Отечественной войны 1812 г., известно как Хошеутовский хурул. В настоящее время он является единственным сохранившимся из хурулов дореволюционной Калмыкии. На памятнике общероссийского значения проводятся реставрационные работы и, к сожалению, допускаются значительные нарушения, в связи с чем общественность Республики Калмыкия обратилась в Министерство культуры Российской Федерации.

⁸ С 1845 г. это положение было изменено. Было установлено, что 1-я степень ордена дает потомственное дворянство, а остальные степени — только личное. Исключением являлись лица купеческого сословия и инородцы-мусульмане, которые при награждении любой из степеней ордена, кроме 1-й, дворянами не становились, а получали статус «почетных граждан» [Кузнецов 2002: 66–70].

митет по управлению калмыцким народом, 1-й общекалмыцкий съезд и др.).

Кроме полученных за боевые действия знаков отличия, калмыцкие воины должны были быть удостоены и наград, которые были введены для ветеранов Отечественной войны 1812 г. Так, уже 5 февраля 1813 г. Александр I учредил медаль «В память Отечественной войны 1812 года»⁹ для награждения всех (независимо от чина) участников боевых действий до 1 января 1813 г. В отношении данной медали дворянству была дана привилегия хранить ее у потомков без права ношения. В год празднования столетия войны в 1912 г. это правило было изменено. 30 августа 1814 г. была учреждена серебряная медаль «За взятие Парижа»¹⁰, которой награждались генералы, офицеры и солдаты, участвовавшие в Заграничном походе в составе действующей армии до 19 марта 1814 г. Награждение этой медалью по ряду причин началось только в 1826 г. и производилось вплоть до 1 мая 1832 г. Всего эту медаль получили более 160 тысяч человек. В нашем распоряжении пока нет документов о награждении есаула Цаган Халги данными медалями, тем не менее, можно смело утверждать, что они были ему вручены, так как среди калмыков специально проводился сбор сведений об участниках боевых действий при взятии Парижа.

12 августа 1912 г. император Николай II учредил юбилейную медаль «В память 100-летия Отечественной войны 1812 года». Медалью награждались как военные чины, находившиеся 26 августа 1912 г. на службе в частях, которые принимали участие в Отечественной войне, так и прямые потомки адмиралов, генералов и офицеров, священнослужителей по мужской линии, участвовавших в войне 1812 года. В память о заслугах предков перед Отечеством Николаем II 15 августа 1912 г. было утверждено еще и положение «О ношении установленных манифестом 30 августа 1814 года медалей потомками». По новому положению,

⁹ На лицевой стороне (аверсе) медали было изображено «всевидающее око», окруженное лучезарным сиянием, внизу дата — «1812 годъ». На оборотной стороне (реверсе) четырехстрочная надпись, библейское изречение: «Не намъ, / не намъ, / а имени / Твоему», т.е. благодарение Богу за освобождение России от иноземного нашествия [Кузнецов 2002: 102].

¹⁰ На аверсе медали было изображение Александра I в лавровом венце, в сиянии лучей, идущих от «всевидающего ока» над головой императора, на реверсе в лавровом венке — пятистрочная надпись: «За взятие Парижа 19 марта 1814» [Кузнецов 2002: 104].

по смерти отцов и старейшин семейств теперь разрешалось не только хранение, но и ношение потомками медалей 1812 года. Для осуществления этого права требовались «ясные доказательства своего происхождения от лиц, получивших таковые медали в 1814 году, и своего старшинства в роде». Такое право было распространено и на особ женского пола [Бирюков].

Принятие вышеуказанного положения повлекло проведение мероприятий по выявлению потомков героев Отечественной войны 1812 года, поэтому в Калмыцкой степи Астраханской губернии была осуществлена работа по сбору материалов к 100-летию Победы и собраны сведения об участниках этой войны и их потомках. Именной список потомков воинов 1812 г. опубликован в книге Г. Н. Прозрителева, где имеется следующая запись в графе «Название улусов, аймаков, имен и фамилий лиц, предки которых принимали участие в войне»: «5-е поколение. Бадма Ара Эрдени Араев. Бадма Джергал Эрдени Араев. Бога Хошут Шонхорова рода», — и соответственно в графе «Имена и фамилии предков, участвовавших в войне»: «Участник Отечественной войны, сотник 1-й сотни II Калмыцкого полка зайсангской природы, Цаган Халагай (он же Цаган Халга Лоузангов)» [Прозрителев 1990: 35 (IV)]. Далее в этом же документе имеется уточнение: «Зайсанги Александровского улуса: 116) Бадма Ара, 117) Бадма Джиргал Шонхоровы. — Участник Отечественной войны, сотник 1-й сотни 2 калмыцкого полка Цаган Холагаи (он же Цаган Халга Лоузангов) награжден чином Есаула» [Прозрителев 1990: 43 (IV)].

Сведения, приведенные Г. Н. Прозрителевым, основывались на архивных материалах. «20 сентября 1911 года братья Шонхоровы подали прошение, в котором писали: „Наш предок — зайсанг Цаган-Халга принимал участие в русско-французской войне 1812 года, состоя сотником Второго Калмыцкого полка, получив затем за отличия в военной службе военный чин Есаула. А так как ввиду предстоящего юбилея этой войны потомки участников ее подлежат особой милости Царя, покорнейше просим Управление выдать нам удостоверение в том, что мы потомки вышеозначенного Цаган-Халги“» [Митиров 2002: 124].

22 сентября 1911 г. Управление выдало удостоверение, в котором подробно гово-

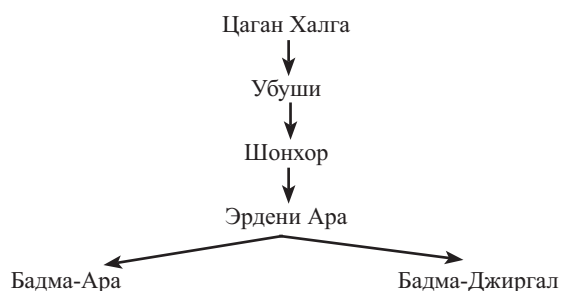
рилось о потомках Цаган-Халги по нисходящей линии:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано изъ Управленія калмыцкимъ народомъ зайсангу Александровскаго улуса, Бага-Хошутова рода Бадма Джиргалъ ШОНХОРОВУ, согласно прошенію, для представленія по принадлежности при возбужденіи ходатайствъ о признаніи его съ семействомъ въ правахъ потомственнаго дворянина, въ томъ, какъ видно изъ дѣлъ архива Управленія Калмыцкимъ Народомъ, что аймакомъ Бага-Хошутова рода Александровскаго улуса (бывш. Хошеутовскаго), управлялъ зайсангъ — Есаулъ Цаганъ-Халга, но по смерти его въ управленіе аймакомъ вступилъ его сынъ Убуши, умершій до 1850 года, за смертью его аймакомъ управлялъ сынъ Шонхоръ, умершій въ 1866 году, по смерти же послѣдняго въ управленіе аймакомъ вступилъ сынъ его Эрдени-Ара Шонхоровъ, который и управлялъ аймакомъ до изданія закона 1892 года и что Бадма Джиргалъ родной сынъ послѣдняго, что и удостовѣряется надлежащимъ подписомъ и приложеніемъ казенной печати» [НА РК. Ф.И-9. Оп. 1. Ед. хр. 351. Л. 14].

Важно отметить, что признание за семьями потомков героев Отечественной войны 1812 г. статуса потомственного дворянина являлось весьма актуальным и важным для калмыцких зайсангов и нойонов в связи с тем, что в 1892 г. в Калмыкии проводилась реформа, отменившая обязательные отношения и повлекшая изменение социального положения высших сословий.

На основании вышеприведенных сведений можно восстановить генеалогическую линию бага-хошутских зайсангов, восходящую к герою Отечественной войны 1812 года Цаган Халге Лузангову:

Известно, что зайсанг бага-хошутова рода Шонхор носил фамилию Цаган-Халга-

ев [Митиров 2002: 125] — под таким именем он упоминается в «Списке калмыцким родам и аймакам, составленным К. Костенковым. Его потомки уже носили фамилию Шонхоровы, хотя у Г. Н. Прозрителева братья Бадма-Ара и Бадма-Джиргал упоминаются и как «Эрдени-Араевы».

Согласно «Списку калмыцким родам и аймакам» К. Костенкова, в Хошеутовском улусе бага-хошуты насчитывалось 233 семьи, аймаки возглавляли Шонхор Цаган-Халгаев (116 семей) и Очир Улюмджиев (117 семей); аймак ики-хошуты (всего 97 семей) возглавлял зайсанг Джамбо Джамцуев [Митиров 1998: 326–327]. По данным Г. О. Авляева, в 1880 г. в Хошеутовском улусе выделялись 4 аймака бага-хошуты: зайсанга Улюмджиева (159 кибиток), зайсанга Шонхорова (117 кибиток), Джамцуева (73 кибитки), Намкеева (13 кибиток) — всего 362 кибитки [Авляев 2002: 177]. Бага-хошуты составляли по численности большинство хошуты в улусе. В начале XX в. в Александровском улусе насчитывалось 242 кибитки бага-хошуты [Митиров 1998: 339].

В начале XX в. братья Шонхоровы были известными людьми как у себя в улусе, так и за его пределами. Бадма-Ара Шонхоров являлся представителем калмыцкого народа в Управлении калмыцким народом. Он, как и нойон А. Б. Тюмень и зайсанг Ц. Бадмаев, являлся членом правления Сельскохозяйственного общества астраханских калмыков, созданного в 1903 г. (председатель — чиновник А. Йодковский) [НА РК. Ф.И-9. Оп. 10. Ед. хр. 10. Л. 1]. В те же годы во время подготовки Первой Международной выставки исторических и современных костюмов Бадма-Ара Шонхоровым были переданы в ее фонд ценные экспонаты (четыре верхних платья *цегдег* костюма замужней женщины из зеленого и черного бархата, из парчи, а также мужской бешмет с патронами), которые ныне хранятся в этнографическом отделе Русского музея [Митиров 2002: 125].

Зайсанг Бадма-Ара Шонхоров являлся членом делегации от калмыцкого народа, принявшей участие в юбилейных мероприятиях в Санкт-Петербурге по поводу 300-летия добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства, 100-летия Отечественной войны 1812 года, 300-летия Дома Романовых [Митиров 2002: 125].

После февральской революции 1917 г. в Калмыцкой степи Астраханской губернии вместо системы попечительских управлений были созданы улусные и аймачные исполкомы. 26–31 марта 1917 г. прошел съезд представителей калмыцкого народа, в работе которого приняли участие около 100 делегатов почти из всех аймаков. Согласно решению съезда, вместо попечительской власти был создан выборный коллегиальный орган — Центральный исполнительный комитет по управлению калмыцким народом (ЦИК УКН). Председателем ЦИК УКН был избран бывший заведующий Управлением калмыцкого народа и помощник астраханского губернатора Б. Э. Криштафович. В состав ЦИК УКН были включены помощник присяжного поверенного Н. Очиров (ведущий делами земледелия), нойон Д. Тундутов (ведущий коневодством), юрист Санджи Баянов и зайсанг Бадма-Ара Шонхоров¹¹ [Очиров 2009: 153]. Кандидатами в ЦИК УКН стали нойон Т. Тюмень, хошутский зайсанг Балта Сарангов, ветеринарные врачи О. Босхомджиев, врач С.-Г. Хадылов. ЦИК работал на правах Управления калмыцким народом, даже штат состоял из бывших чиновников УКН. Исследователями отмечено, что «в составе 9 членов ЦИК УКН четверо представляли Малодербетовский улус (Тундутов, Очиров, Баянов, Босхомджиев), трое — Хошеутовский (Т. Тюмень, Шонхоров, Сарангов), что, по всей видимости, объясняется влиятельностью группировок нойонов Тундутова и Тюменя в калмыцком обществе» [Очиров 2009: 153].

Как отмечалось одной из комиссий, «Бадма-Ара Шонхоров до революции 1917 года среди населения своего улуса пользовался большим авторитетом и влиянием на массы» [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10с. Ед. хр. 500. Л. 73об.].

После Октябрьской революции Бадма-Ара Шонхоров также продолжал принимать активное участие в общественной жизни Калмыкии. Он являлся участником Первого общекалмыцкого съезда, продолжал работать на разных выборных должностях в улусе: «В 1918 году служил Членом Хошеутовской улусной Уголовной Следственной комиссии. В конце 1919 года Советом был избран Председателем Хошеутовского улусного исполкома до октября 1920 г. В 1926 г.

Бадма-Ара Шонхоров служил заведующим сельскохозяйственной колонией Хошеутовского улуса» [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10с. Ед. хр. 500. Л. 73].

Бадма-Джиргал Шонхоров, как пишет А. Г. Митиров, «в основном занимался хозяйством — скотоводством, как и все зайсанги» [Митиров 2002: 126]. Об этом же писал сам Б.-Д. Шонхоров в анкете, сохранившейся в делах Национального архива Республики Калмыкия [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10с. Ед. хр. 500. Л. 75]. Однако и он, будучи образованным зайсангом, принимал участие в общественной жизни улуса: так, с 1918 по 1923 гг. Бадма-Джиргал Шонхоров являлся членом Совета Хошеутовского улуса [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10с. Ед. хр. 500. Л. 75]. Дети Б.-Д. Шонхорова обучались в учебных заведениях г. Астрахани [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10с. Ед. хр. 498. Л. 81].

Судьба распорядилась сурово с братьями Бадма-Арой и Бадма-Джиргалом Шонхоровыми. Хотя, как отмечалось в документах, они «не переходили на сторону белых», однако в силу их происхождения новая власть признала «приобретенное до революции хозяйство не своим трудом нажитым». Поэтому сначала 10 мая 1926 г. улусная комиссия постановила национализировать здания и 50 % имеющегося у них скота [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10с. Ед. хр. 500. Л. 73об., 75об.]. В связи с дальнейшими событиями в стране в 1929 г. Шонхоровы были выселены в Нижневолжский край, где их поселили в Александров-Гае Новоузенского района, имущество их было полностью изъято. Так были утрачены и семейные реликвии.

Согласно архивным данным за 1927 г., на учет были взяты семья Б.-А. Шонхорова (48 лет): жена Баин-Дала (42 лет), дочь Маруся (13 лет) — и семья Б.-Д. Шонхорова (46 лет): жена Эскеленг (43 года), сын Аркаш (11 лет), сын Эрдни-Ара (6 лет), дочь Наташ (13 лет), дочь Улюмджи (9 лет), дочь Клавдия (5 лет) [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10с. Ед. хр. 500. Л. 11]¹². Что касается детей Бадма-Джиргала, то у них были двойные имена (что подтверждается анкетой, подписанной им лично). Приведем данные о его семье согласно сведениям из архива за 1926 г.: «Бадма-Джиргал Шонхоров 45 лет, жена Эскеленг 42 лет, дочери Наташа 17 лет, Шура 12 лет, Цаган-Халга 5 лет, сыновья Арка-

¹¹ В 1917 г. Бадма-Аре Шонхорову было всего 38 лет.

¹² В анкете Б.-А. Шонхорова, составленной в 1926 г., указано, что Марусе 16 лет, в документах она была записана под полным именем Мария.

дий 13 лет, Андрей 9 лет» [НА РК. Ф.Р-3. Оп. 10с. Ед. хр. 500. Л. 75]. Анкета подписана самим Шонхоровым, что подтверждает достоверность данных. Таким образом, у дочери Улюмджи было русское имя Александра (Шура), у Цаган-Халги — Клавдия, у сына Эрдни-Ары — русское имя Андрей. Аркадий в документах упоминается только под этим именем. Из других данных известно также, что большеглазую красавицу Наталью Шонхорову звали Нюдлей, и именно ей посвящена известная песня «Нюдля», сочиненная Бадмой Джимбиевым. Как видно, имена детям Бадма-Джиргал Шонхоров выбирал не простые. Один из сыновей был назван в честь деда Эрдни-Ары, дочь Клавдия носила имя великого предка — героя Отечественной войны 1812 г.¹³, а Улюмджи, родившаяся в 1914 г., вероятно, была названа в честь Александра I.

Трагические страницы истории калмыцкого народа отразились на судьбе потомков Шонхоровых, которые пережили две депортации — в 1929 г. и 28 декабря 1943 г. — и ныне проживают в Казахстане и Калмыкии. Как отмечал А. Г. Митиров, Мария — дочь Б.-А. Шонхорова — инженер путей сообщения, живя в селе Алгай Новоузенского района, вышла замуж за Юнусова, проживала в Алма-Ате¹⁴. Аркадий — сын Б.-Д. Шонхорова — участвовал в финской и Великой Отечественной войне, был участником обороны Ленинграда, имел звание майора, семья его проживает в Алма-Ате [Митиров 2002: 126]. По словам Аркадия Бадма-Джиргаловича, командир, чтобы не отправлять с фронта воина, подменил документы, записав его Шайхаровым, казахом. Поэтому потомки Бадма-Джиргала Шонхорова носят ныне и эту фамилию. Во время Великой Отечественной войны погиб Андрей (Эрдни-Ара) Шонхоров¹⁵. Дочь Бадма-Джир-

гала Шонхорова Улюмджи (Александра) не пережила тягот сложных лет выселения. Младших детей из Нижневолжского края родственники тайно перевезли в Калмыкию, где девочка вскоре умерла. Линия Нюдли-Натальи Шонхоровой продолжена тремя дочерьми: Ираида Сангаджи-Гаряевна Манджиева многие годы трудилась в органах исполнительной власти в г. Элисте, ее сестра Эмилия Сангаджи-Гаряевна Ковалева — известный в Республике Калмыкия медицинский работник, третья дочь (от второго брака) — Нелли Бадмаевна Джимбиева, Заслуженная артистка Казахстана. У Цаган-Халги (Клавдии) Шонхоровой (Бакаевой) — дочь и два сына. Старшая дочь Ц.-Х. Шонхоровой Кишта Намруевна — Заслуженный врач Республики Калмыкия. Один из сыновей — Эртне Намруевич — являлся депутатом Верховного Совета Калмыцкой АССР, за большой вклад в социально-экономическое развитие Республики Калмыкия удостоен почетного звания «Заслуженный работник народного хозяйства РК». Второй сын Дорджи Намруевич много лет отдал работе в сельском хозяйстве Калмыкии.

История народа, как в зеркале, отражается в истории конкретных фамилий и личностей. В культуре калмыцкого народа сохраняется традиция многовековой памяти о предках, которых полагалось знать по меньшей мере до седьмого колена. Старшее поколение, активно трудящееся в Калмыкии, представляет всего седьмое поколение от героев Отечественной войны 1812 г., поэтому память о них жива и передается молодежи, способствуя патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Одним из героев Отечественной войны 1812 г. является есаул Цаган Халга Лузангов, покрывший себя неувядаемой славой в сражениях за Родину.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

- Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.
- Батыров В. В. Кочевья хурулов и родов в Калмыцкой степи в конце XIX в. // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: Изд-во КГУ, 2007. С. 68–76.
- Беликов Т. И. Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX веков. Элиста: Калмгосиздат, 1960. 144 с.

¹³ По словам Цаган-Халги (Клавдии) Бадмаевны Шонхоровой, ей было дано имя великого деда, но в семье ее также звали русским именем Клавдия — в силу калмыцкой традиции табу на произнесение имен предков по мужской линии невестками.

¹⁴ Продолжателем этой линии потомков Шонхоровых является ее сын Бакытжан, у которого единственная дочь.

¹⁵ А. Г. Митиров, ссылаясь на рассказ С.-Г. Манджиева, указывал, что случилось это в Сталинградской битве [Митиров 2002]. Однако по воспоминаниям Ц.-Х. Шонхоровой последнее письмо от брата пришло из-под Смоленска, Андрей писал, что предстоят крупные сражения и он вместе с боевыми собратьями готов защищать Родину до последней капли крови.

- Беликов Т. И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX вв.). Элиста: Калмгосиздат, 1965. 180 с.
- Бирюков А. М.* Награды Отечественной войны 1812 года [электронный ресурс] // <http://www.xxc.ru/stati/text019.htm> (дата обращения 31.07.2012).
- Белоусов С. С.* Калмыкия в период преобразований (первая половина XIX в.) // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. С. 464–513.
- Кузнецов А. А.* Энциклопедия русских наград. М.: Голос-пресс, 2002. 532 с.
- Очилов У. Б.* Калмыкия в период революции 1917 года и начала Гражданской войны // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. С. 151–195.
- Калмыки в Отечественной войне 1812 года: сборник документов / сост. М. Л. Кичиков, Б. С. Санджиев.* Элиста: Калмгосиздат, 1964. 163 с.
- Митиров А. Г.* Истоки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 272 с.
- Митиров А. Г.* Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.
- Леонтович Ф. И.* К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий и ойратский устав взысканий (Цааджинъ-Бичик). Одесса: Тип. Н. Ульриха, 1879. 267 с.
- Прозрителев Г. Н.* Военное прошлое наших калмык. Элиста: Санан, 1990. 144 (I) + 28 (II) + 60 (III) + 44 (IV) + 30 (V) + XXXXIII с.